Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/UUESEE
УДК 821.133.1.0+821.161.1.0
ББК 83.3(4Фра)52+
83.3(2Рос=Рус)52

ВЛИЯНИЕ «РУССКОГО НИГИЛИСТИЧЕСКОГО РОМАНА» НА ФРАНЦУЗСКУЮ МЫСЛЬ 1870–1890 гг.: КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ

 М.Е. Балакирева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 22 марта 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 24 апреля 2024 г.
Дата публикации: 25 декабря 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-86-105

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01832 «Русская литература в интеллектуальной жизни Франции рубежа XIX–XX веков», https://rscf.ru/project/23-28-01832/

Аннотация: В статье рассматривается рецепция нигилизма и «романа русского нигилизма» во французской мысли 1870–1890-х гг., когда всплеск интереса к русской литературе приводит к появлению в интеллектуальном поле Франции определенных кодов, образов и нарративов, соотносимых с русской культурой, среди которых особенно выделяются «русский роман» и «русский нигилизм». В статье приводится краткая история публикаций русских романов в указанный период, анализируется рецепция «нигилизма» и «русского романа» в критической французской мысли, а также сравниваются понятия «русский роман» Э.М. де Вогюэ и «роман русского нигилизма» Ф. Брюнетьера. Противостояние двух описаний русскоязычного романа во Франции указывает на сложность институционализации русской литературы, осциллирующей в сознании французов между моделью «европейской» (роман натуралистический / Брюнетьер) и моделью «ориентальной» (роман экзотический / Вогюэ). Статья также показывает, как интерес к «русскому роману» соотносится с колониальной политикой Франции в 1870–1890-е гг. и как размышление о «русском романе» приводит французских критиков к размышлению о собственной политической и социальной идентичности.

Ключевые слова: «русский роман», «русский нигилизм», М.Э. де Вогюэ, Ф. Брюнетьер, рецепция русского романа во Франции, перевод русского романа во Франции.

Информация об авторе: Маргарита Евгеньевна Балакирева — кандидат филологических наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Союза Печатников, д. 16, 190008 г. Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7198-3214

E-mail: mebalakireva@hse.ru, margaritabalakireva@yahoo.fr

Для цитирования: *Балакирева М.Е.* Влияние «русского нигилистического романа» на французскую мысль 1870–1890 гг.: критическая рецепция // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 4. С. 86–105. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-86-105

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 4, 2024

THE INFLUENCE OF THE "RUSSIAN NIHILISTIC NOVEL" ON FRENCH THOUGHT IN 1870s–1890s: CRITICAL RECEPTION

© 2024. Margarita E. Balakireva
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia;
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: March 22, 2024
Approved after reviewing: April 24, 2024
Date of publication: December 25, 2024

Acknowledgements: The article was written at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, grant no. 23-28-01832 «Russian Literature in the Intellectual Life of France at the Turn of the 18th–20th Centuries» (https://rscf.ru/project/23-28-01832/).

Abstract: The article discusses the reception of Russian nihilism in French thought during the 1870s and 1890s. During this time, there was a surge in interest in Russian literature in France, leading to the emergence of codes, images, and narratives related to Russian culture in France's intellectual sphere. Among these, "Russian nihilism" and the "Russian novel" stood out. The article examines the history of Russian novels published during this period, as well as the reception of nihilism and Russian novels in critical French thought. It compares the concept of the "Russian novel," as described by E.M. de Vogüé, with that of the novel of Russian nihilism, as described by F. Brunetière. The article discusses the contrast between two interpretations of the Russian novel in France, highlighting the complexity of its institutionalization. It oscillates between the "European" (naturalistic novel) and "oriental" (exotic novel) models, reflecting the different perceptions of Russian literature by French readers. The article also explores how the popularity of Russian novels was shaped by France's colonial policies in the 19th century and how this led to a reflection on French political and social identity through the lens of literature.

Keywords: "the Russian novel," "the Russian nihilism," E.M. de Vogüé, F. Brunetière, reception of the Russian novel in France, translation of the Russian novel in France.

Information about the author: Margarita E. Balakireva, PhD in Philology, Senior Lecturer, National Research University Higher School of Economics, Soyuza Pechatnikov St., 16, 190008 St. Petersburg, Russia; Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7198-3214

E-mail: mebalakireva@hse.ru, margaritabalakireva@yahoo.fr

For citation: Balakireva, M.E. "The Influence of the 'Russian Nihilistic Novel' on French Thought in 1870s–1890s: Critical Reception." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 4, 2024, pp. 86–105. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-86-105

Конец XIX в. принято считать рассветом русской культуры во Франции. Французы вдохновлялись идеями русских мыслителей, восхищались трудами художников и, преодолевая собственный политический кризис, вызванный Коммуной и анархистским террором, обращались к схожему опыту Российской империи. Однако бурное знакомство с культурой было скорее проникнуто антропологическим духом и жаждой открытия неизведанных земель, что привело к созданию некоторых общих мест, культурных штампов в ее восприятии. К таким штампам можно было бы отнести и знаменитую «русскую душу», и яркие образы «нигилистов», и небезызвестный «русский роман»[1].

Первые попытки заново познакомиться с русским миром начинаются во Франции во второй половине XIX в., спустя десятилетие после окончания Восточной (Крымской) войны (1853–1856). Русский колорит очаровал французов на знаменитой Всемирной выставке 1867 г., предлагавшей посетителям погрузиться в мир стран-участниц, пройтись по павильонам, познакомиться с материальной культурой (это была первая выставка подобного формата). Российская империя, помимо достижений в области наук и сельского хозяйства, привезла на выставку целую деревню[2]. Архитектура, национальная кухня, предметы быта оказали

1 В статье приводится в скобках, так как считается термином, ставшим знаменитым благодаря труду Эжена Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» (1886).

2 В русской части построили дом помещика, русскую избу, конюшни Императорского завода, якутскую урасу и киргизскую юрту. Внутреннее убранство жилищ поражало воображение своей экзотичностью — мебелью, иконами, кавказской керамикой в помещичьем доме; шкурами медведей и тюленей, связками сушеной рыбы — в крестьянской избе. Дополняли архитектуру люди (девушки в кокошниках, бойкие половые) и развлечения (трактир, национальная кухня) [1; 2].

бóльшее влияние на умы праздных гуляк, нежели технические изобретения и научные открытия: Россия представала во всем своем блеске, богатстве, роскоши — и во всей чужести, оригинальности, чарующей экзотичности. Русский быт контрастировал с явлениями русской культуры, хорошо известными французам, с романными зарисовками И.С. Тургенева, с инженерными находками Б.С. Якоби, с химическим опытами Н.Н. Зинина, — и служил оправданием радикальным движениям в царской России, стремившимся улучшить крестьянскую жизнь и пропагандировавшим террор. Французы были очарованы противоречиями и стремились постичь тайну «русской души». И на помощь в исканиях им пришел «русский роман».

Русские писатели не пользовались большой популярностью во Франции до 1870-х гг., с одной стороны, из-за отсутствия славянских кафедр при университетах и нехватки специалистов, владеющих русским языком [8], что делало практически невозможной переводческую практику; с другой стороны, политическая и экономическая ситуации не способствовали развитию франко-российских отношений. Появление новых переводов, знакомство с новыми именами происходит постепенно, с 1870-х гг., а пика эта тенденция достигает в 1880–1890-е гг.

Стоит отметить при этом, что для Франции конца века в принципе характерна охранительная позиция, закрытость литературного поля, переживающего внутренний кризис, что выражается, в частности, в снижении количества иностранных публикаций и переводов [24]. Внезапный интерес к «русскому роману» оказывается еще более занятным на фоне общего спада и регресса.

Данная статья стремится понять этот парадокс обращенности к русской литературе на локальном примере — через анализ рецепции идей нигилизма во французском интеллектуальном поле. Цель ее — показать, что нигилизм, для французов русское явление *par excellence*, является той узловой точкой, на которую опираются при анализе «русского романа» литераторы и историки и которая, с одной стороны, служит основой для конструирования русского литературного канона во Франции, а с другой стороны, способствует экзотизации культуры и отражает общую для французской мысли конца XIX в. «колониальную» экспансию.

В первой части работы будут рассмотрены общие переводческие/издательские тенденции и место русской литературы во французском издательском поле конца XIX в., во второй части будет проанализирована рецепция нигилизма во французской литературе, а третья часть исследования будет посвящена критической литературе конца XIX в. о рецепции «русского романа» на примере трудов Э.М. де Вогюэ и Ф. Брюнетьера.

Издание «русского романа» на французском языке

Анализ библиотечных каталогов и новых поступлений за 1880–1900-е гг. показывает, что для Франции конца века, пережившей франко-прусскую войну и Коммуну, характерно снижение переводческой и издательской активности, как было сказано выше: иностранная литература публикуется реже, чем, например, в 1830-е гг.[3] [24], а некоторые публикации вызывают общественный резонанс[4] [1], особенно заметный в консервативных кругах, — французские литераторы сетуют на засилье иностранных книг и провозглашают смерть французской литературы[5].

Нельзя при этом сказать, что «русский роман» триумфально завоевывает французское литературное поле. Исследование Блэза Вильфер-Порталя показывает, что русская литература не является приоритетной для издательств, хотя процент ее присутствия неуклонно растет в указанные годы. Первенство занимают массовые англоязычные романы [16], часто специфических жанров («бестселлеры», или «multiédités», по терминологии Вильфер-Порталя), и в 1880-е гг. это книги Дж.Ф. Купера, Т. Майн Рида, Ч. Диккенса, В. Скотта (переиздания знаменитых романов). Единственный русскоязычный писатель в десятке — Лев Николаевич Толстой — располагается в таблице на пятом месте[6], но и он не менее популярен у французского читателя

3 В это время четверть публикуемых романов были переводами, в основном англоязычных романов.

4 Самый яркий пример — реакция на публикацию «Камо грядеши?» Г. Сенкевича, переведенного в 1900 г.

5 Так, известный критик «Корреспондан» Анри Бордо писал о завоевании французской литературы следующее: «Nous sommes réellement envahis, et de tous les côtés à la fois. Si nous n'y prenons pas garde, ils n'y aura bientôt plus de littérature française... Tout le monde ne peut naître étranger» [24].

6 Далее следуют У. Шекспир, И.В. фон Гёте, М. Эджворт, С Пеллико, М. Камминз. Стоит

(с 1873 по 1900 г. книги Толстого издавались 92 раза)[7]. В списки Вильфер-Порталь не вносит ни Гончарова, ни Писемского, ни прочих более-менее известных литераторов той поры.

В 1890-е гг. иностранное литературное присутствие диверсифицируется, известные имена сменяются неизвестными, прежние популярные жанры теряют читателей, обесцениваются и все более маргинализируются (становясь «железнодорожным чтивом» [20; 23]), а французское литературное поле все более национализируется и переживает кризис. И именно в этот период французская публика начинает открывать для себя современный русскоязычный роман. В конце 1880-х и в 1890–1900-е гг. во Франции публикуется рекордное количество переводов русскоязычных романов, что исследователь Мишель Никё связывает с появлением франко-русского альянса и возросшим интересом к русской культуре как со стороны обывателей, так и со стороны правящих кругов [22]. Во французском литературном поле появляются новые имена, незнакомые читателям, так называемые писатели «младшего звена» (по М. Никё “des *minores* russes” [22]), например Алексей Писемский, Дмитрий Григорович, Алексей Апухтин, Болеслав Маркевич, а также писательницы, часто творившие под псевдонимами, — Надежда Хвощинская (под псевдонимом В. Крестовский), Лилия Веселитская (под псевонимом В. Микулич), Софья Ковалевская и Валентина Дмитриева.

Наиболее вероятными причинами внезапного интереса французов к русскому роману исследователи считают экономические и политические реалии конца века: ослабленная войной Франция ищет союзников, военный и экономический союз с Россией кажется наиболее приемлемым в сложившейся ситуации[8]. На создание образа достойного союзника работают многие культурные медиаторы, самым знаменитым из которых оказывается Э.М. де Вогюэ, возрождающий миф о славянской душе, популярный в 1830-е гг.,

отметить присутствие женщин в списках популярных книг — ирландки Марии Эджворт (Эджуорт) и североамериканки Марии Камминз.

7 Для сравнения с другими русскими писателями из таблицы: за тот же период появляется 14 изданий романов Достоевского и 9 изданий романов Тургенева.

8 Стоит отметить, что интерес к России проявлялся еще в 1830–1840-е гг. (не в пользу России), когда Франция начала пристально следить за русско-польским конфликтом [8].

и переосмысляющий его в контексте русской культуры[9] [6; 11]. При этом миф о русской душе идеально вписывается во внешнюю политику Франции и ее колониальную идеологию[10], достигшую расцвета в 1880–1890-е гг. Русский мир, зажатый между Востоком и Западом, является идеальным местом культурной и экономической экспансии [21]. С другой стороны, Франция, наряду с другими европейскими странами, становится прибежищем для бегущих от царской полиции русских интеллектуалов, анархистов и нигилистов, которые также становятся проводниками русской идеи и посредниками в знакомстве с русской культурой, в особенности с ее неофициальной позицией[11]. Так, нигилизм пользуется во Франции небывалым успехом, но не как универсальная теория, приглашение к действию (здесь русские мыслятся эпигонами европейской мысли), а как отражение той самой *русскости* (russité) и местного колорита, как особенность менталитета.

Русскоязычный роман, наряду с другими книгами о России, в частности травелогами, также можно считать своеобразным посредником, позволяющим французам узнавать о России из достоверных источников: роман чаще воспринимается как реалистичный правдивый документ, повествующий о реальной жизни, чему способствует развитие романной формы во Франции, мода на реалистичное описание и натурализм, во многом — и расцвет фельетона, массовой литературы и прессы [3; 10]. Интерес к России и интерес к русскому роману частично объясняется и этой установкой литературы на сенсационность, необычность, экзотизацию.

Рецепцию нигилизма во Франции можно было бы отнести к частному случаю подобной экзотизации: образ нигилиста, столь популярный в массовой литературе, предстает как воплощение исконной русской души, а исследователи-слависты «нигилистского романа» часто объединяют

9 Речь идет не только о знаменитом труде Вогюэ «Русский роман», но и о его деятельности в России, публикациях в журналах.

10 Идеологом новой колониальной политики стал Пьер Поль Леруа-Больё, экономист, написавший знаменитый труд «О колонизации у современных народов» (1891). Именно на его идеи опирался Жюль Ферри в своем оправдании французской колониальной экспансии. Старший брат Поля, Антуан Леруа-Больё, был видным историком, писавшим труды о современной России и во многом способствовавшим продвижению русской культуры во Франции.

11 Например, Вера Засулич (бегство в Швейцарию) или Михаил Бакунин (Франция, Швейцария).

в анализе художественный вымысел и реалии журнальных заголовков. И массовая, и научная литература, очарованная нигилизмом, отражающим самую суть *русскости*, по факту репродуцируют одни и те же штампы, завлекая читателя экзотическими описаниями.

Нигилизм во Франции: революция, экзотизм и колониальное

Популяризация термина *нигилизм* как во Франции, так и в России происходит благодаря творчеству И.С. Тургенева и его роману «Отцы и дети» (первый перевод на французский 1863 г.). Сразу стоит отметить, что французские термины *le nihilisme* и *le nihiliste* часто на рубеже веков трактуются шире и обозначают вообще «мятежников» и «революционеров», что можно заметить в романе «Василий Самарин» (1884), авторства Андре Лори (или Робера Кяза, по мнению некоторых исследователей, например Арно Беда), а также, в более поздней интерпретации, в романах «прекрасной эпохи» «Рультабийль у царя» Г. Леру (1912) и «Пеньковый галстук» П. Сувестра-М. Аллена (1913). Более того, к мятежникам политическим добавляются «мятежники духа», нигилисты в морали: так, например, отдельно развивается «нигилизм чувств», о котором пишет Морис Кийо в своем труде «Сентиментальный нигилизм» (1892), вдохновленном творчеством Андре Жида. В это сложное противоречивое понятие включается и русский нигилизм, причем вначале он воспринимается как продолжение общеевропейских исканий и борений. Фокус на самобытности русского нигилизма, выделение его характерной *русскости* происходит позже, к 1880-м гг. — именно в этот период французские исследователи русской культуры начинают говорить о нигилизме как о самобытном русском движении. Если до Коммуны нигилисты были частью общеевропейского движения анархистов [5], то после 1870-х гг. они стали восприниматься как борцы за свободу именно в царской России[12]: с одной стороны, сама группа нигилистов оформилась, приобрела известность, у нее появились первые герои и «мученики» (например, чудесным обра-

12 Например, вот как завершает 14 главу своих мемуаров Луиза Мишель, знаменитая анархистка, участница Коммуны: “Les nihilistes du haut des potences du tzar, les socialistes allemands la tête sous la hache, saluent comme je le fais devant la vie – plus horrible que la mort” [19].

зом избежавшая тюрьмы Вера Засулич); с другой стороны, постепенно радикализующийся французский анархизм, обратившийся после разгрома Коммуны к «пропаганде действием»[13] [12], начинает искать образцы для подражания — и самыми последовательными террористами в представлении лидеров анархистов становятся русские нигилисты, фанатичные и безжалостные в защите своих идей[14]. Нигилизм в общественном сознании предстает не просто философской крайностью, идеологическим отрицанием всего, как то было у тургеневского Базарова, но являет собой проявление максимальной свободы (и убийство царя иллюстрирует беспрецедентную смелость террористов) и максимальной жестокости. И хотя многие французские мыслители, даже весьма радикальных взглядов, жестокость эту порицают[15], они не могут не попасть под очарование бунта, завораживающую дерзость террора, оправдывающего борьбу за свободу.

Подобное очарование испытывает на себе и французская пресса, демонизирующая и идеализирующая нигилистов, превращающая их жизни в идеальный информационный повод. Постоянное присутствие нигилистов на первых полосах периодических изданий порождает моду: в 1880–1890-е гг. нигилизм становится одной из популярных тем во французской литературе. Причем выделить можно три вида книг, в которых так или иначе данная мода проявляется: 1) исследования и изыскания, касающиеся нигилизма и его связи с прочими левыми движениями

13 Теоретическое оправдание террора высказывалось разными анархистами — от Бакунина до Малатесты, но первый призыв совершать «пропаганду действием» произносит в Женеве Андреа Коста, итальянский социалист, 9 июня 1877 г. (так считал, в частности, Джеймс Гильом).

14 Во время выступления в Париже 13 мая 1881 г. Луиза Мишель, агитируя соратников вести более активную борьбу с режимом, приводила в пример опыт нигилистов и призывала подражать им: “Mais regardez donc ce qui se passe en Russie; regardez le grand parti nihiliste, voyez ses membres qui savent si hardiment et si glorieusement mourir! Que ne faites-vous comme eux? Manque-t-il donc de pioches pour creuser des souterrains, de dynamite pour faire sauter Paris, de pétrole pour tout incendier? Imitez les nihilistes, et je serai à votre tête; alors seulement nous serons dignes de la liberté, nous pourrons la conquérir; sur les débris d’une société pourrie qui craque de toutes parts et dont tout bon citoyen doit se débarrasser par le fer et le feu, nous établirons le nouveau monde social” [18].

15 Например, опыт радикального сопротивления осуждается некоторыми социалистками-писательницами, например, в своем романе «Русские девы» (Les Vierges russes, по аналогии с прозвищем Луизы Мишель «Красная дева», La Vierge Rouge) Мари-Луиз Ганёр (Marie-Louise Gagneur) устами героини Ванды критикует террор Веры Засулич.

(анархизмом, коммунизмом) (книги Э. Лавиня, Й. Любомирского [33], Ж. Бурдо); 2) исторические книги о России или повествование о путешествиях (травелоги), где нигилизм непременно появляется в одной или нескольких главах (очерки А. Мейлана [35] или путевые заметки В. Тиссо [38; 39], заметки Н. Лаллье [31] или труды А. Леруа-Больё); 3) популярные романы, упоминающие нигилистов или делающие нигилистов героями повествования, главными или второстепенными (романы Л. Томена [37], Э. Лавиня [32], О. Одуар, Л. Нуара [36], Ж. Кларети [29], Г. Франса [30], П. Вернье [40])[16].

Во всех приведенных выше изданиях, будь то очерки, научные изыскания или популярная проза, критически настроенные или хвалебные, нигилизм наделяется набором неизменных и легко узнаваемых черт: на первое место выходит национальный характер движения, экзотизм верований, мистицизм и сектантство участников. В самом деле, участники тайных собраний — русские студенты и студентки, часто низкого социального статуса, стремящиеся к физическому и духовному освобождению, причем порою восприятие нигилистов и нигилисток разнится: женские образы идеализируются, восславляются, и нигилистки предстают бескорыстными девами-воительницами, тогда как мужчины-нигилисты воспринимаются с большей иронией или критикой. Многие авторы делают упор на национальной принадлежности нигилистов, считая необузданность речей и фанатичность веры иллюстрацией знаменитых высказываний о русской душе. Авторы особенно подчеркивают религиозность и мистицизм, присущие нигилистам, их желание не просто превратить отрицание в базовый принцип поведения, но сделать его идолом, поклоняться ему, становится мучениками идеи. Отсюда — мысли о подполье, закрытости, мистическом ореоле, присущем революционерам-мученикам. Более того, французские авторы порою сравнивают нигилистов с сектантами, со скопцами или черносотенцами [28], особенно подчеркивают жертвенность и беспринципность адептов нигилистской веры.

Подобную заостренность на мистическом можно воспринимать как местами намеренную, местами невольную экзотизацию, при которой нигилисты являются и носителями местной локальной культуры, и пред-

16 Все книги указаны в библиографии в разделе «Источники».

ставителями менее развитого народа, достойного цивилизаторской миссии Франции. Экзотизация порождает некоторые интересные параллели: нигилистов сравнивают то с африканскими племенами, практикующими вуду; то с американскими сектами; называют их сарматами и скифами [27; 28; 34; 41]. Нигилизм никогда не мыслится как отдельное философское или политическое движение[17], но часто воспринимается как отражение нравов, радикальное воплощение души народа, местами варварского, местами просвещенного. В писательском сознании нигилизм прочно ассоциируется с народным, низовым, неподконтрольным течением (потому, вероятно, так силен в нигилизме образ женщины, носительницы маргинального статуса, или студента-подростка, тоже маргинализированного в ученой среде), а не интеллектуальным бунтом. Вообще восприятие нигилизма часто идет не через теорию и идеологию, но через образ — голодный студент, унылое жилище, полуголодное существование, дерзкие девы в синих очках.

Данная сосредоточенность на образе, вероятно, объясняет интерес (и объясняется интересом) к современному «русскому роману», который некоторые слависты-русисты того времени для удобства называют «нигилистским», вдохновляясь Тургеневым. Русская литература для французов заключает парадокс внутри самой себя: написанная в варварской стране, она несет знание об этой стране, через посредничество авторов, выросших на европейской (французской) культуре, говорящих на европейских (французском) языках.

«Нигилистский роман» и «русский роман» во французской критической мысли

Несмотря на возрастающий интерес к изучению славянского мира и в частности мира русского (первопроходцем здесь можно считать слависта Луи Леже[18]), относительно полных исследований, посвященных современной русской литературе, во Франции практически не было

17 “Comme presque toutes les conceptions théoriques des Russes, le ‘nihilisme’ n’est dans son principe qu’une importation occidentale” [17, p. 180–208].

18 В некрологе Поль Буайе называет Луи Леже создателем французской славистики и вдохновителем не одного поколения ученых-славистов, а также подчеркивает, что работы его на несколько лет предвосхитили знаменитый труд о романе Вогюэ: “Louis Léger a créé dans notre pays l’étude scientifique des langues slaves et des littératures qui se sont exprimées

представлено до 1870-х гг., исключение составляли труды, посвященные отдельным писателям, например, исследование творчества А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова Проспером Мериме [9][19].

Одна из первых историй современной русской литературы появляется во Франции в 1872 г., и принадлежит она перу русского исследователя Константина Петровича Петрова (Constantin Pétrow), заслуженного преподавателя русского языка и литературы в VI Санкт-Петербургской гимназии (в переводе Александра Ромальда). Позже появляются «История современной литературы славян» Селеста Курьера (1879), «Великие мэтры русской литературы XIX в.» Эрнеста Дюпюи (1885), «Русский роман» Э.М. де Вогюэ (1886), «История русской литературы с начала до наших дней» Леона Зихлера (1886) и антология «Русская литература» Луи Леже (1899), где представлены переводы И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского, Л.Н. Толстого. Публикация книг о русской литературе и проявление научного интереса к изучению русского романа соотносятся по датам с общим интересом к русской и славянской культурам: славистика в 1880–1890-е гг. также переживает расцвет.

Часто исследователи отказываются от оценки или анализа литературного процесса в России и публикуют списки имен и произведений, потенциально интересных читателям. Так, например, поступает в своем труде Л. Зихлер. Другие же исследователи, к которым относится, например, Э.М. де Вогюэ, стремятся осмыслить этот процесс, интерпретировать и объяснить его [14]. Интерпретации дают разный взгляд на «русский роман», и две радикальные позиции («русский роман» против «нигилистского романа») заслуживают наибольшего внимания. Одну из позиций занимает Э.М. де Вогюэ в «Русском романе», другую — Ф. Брюнетьер в «Натуралистском романе».

Э.М. де Вогюэ выделяет два вида нигилизма — французский и русский. Для него носителем устрашающего и истинного духа нигилизма оказывается Флобер с его романом «Бювар и Пекюше», а русская литература

par ces langues. Alfred Rambaud a été son élève. Et c'est en 1886 seulement que devait paraître le Roman russe d'E.-M. de Vogüé" [7, p. 127–132].

19 Более подробно о рецепции русской литературы в 1830–1840-е гг. см. в диссертации Е.А. Артюх [4].

противопоставляется французскому духовному обнищанию, зараженной нигилизмом, всеотрицанием и пессимизмом французской литературе[20]. Русский нигилизм по Вогюэ иного рода, он всегда является лишь остановкой в духовном пути души, вечно спасаемой знаменитым русским милосердием [41, p. XLIV–XLV]; это явление, объясняемое молодостью народа и его литературы, и для него характерна эволюция, движение от метафизики к действию[21], от тургеневского чистого нигилизма как идеи (воплощенного в Базарове) до революционности Ф.М. Достоевского в романе «Бесы» [41, p. 262–263] и мистицизма Л.Н. Толстого, у которого нигилизм преодолевается, подобно болезни молодости [41, p. 280–281; 321]. Нигилист у Вогюэ становится воплощением одинокой ищущей души, мечущейся и жаждущей уничтожить цивилизацию, задуть ее словно «свечу» [41, p. 5]. Именно внутреннее боренье духа порождает русский нигилизм, не философские поиски и не пресыщение культурой (французский случай и случай Флобера), а особый склад души. Потому, например, Вогюэ не анализирует Н.Г. Чернышевского и его роман «Что делать?», более обращенный к социальному аспекту: все социальное, бунтующее замалчивается, приглушается в анализе Вогюэ, а если и проявляется, то трактуется как бунт отдельного человека и чаще порицается. Очарование русской литературы — в ее местном колорите, в ее особенном складе, в ее «чуждости» французской мысли, что также наводит на мысли о намеренной экзотизации, схожей с экзотизацией движения нигилистов, описанной ранее. Занятно, например, как Базарова Вогюэ сравнивает с краснокожим индейцем из романов Фенимора Купера[22].

20 “Nous allons étudier le nihilisme chez les Russes; nous ne trouverons pas chez eux cette maladie morale ayssî aiguë, aussi triomphante. Flaubert et ses disciples ont fait le vide absolu dans l’âme de leurs lecteurs; dans cette âme dévastée il n’y a plus qu’un sentiment, produit fatal du nihilisme: le pessimisme” [41, p. XXXIII–XXXIV].

21 “Si la Russie doit traverser ces crises violentes qui ne sont épargnées à aucune nation, ce seront du moins pour elle des crises de jeunesse, d’où l’on sort plus robuste et plus vivant. <...> Sous [les] maladies mentales [de ce peuple], sous le nihilisme temporaire d’un Tolstoï et les spasmes intellectuels d’un Dostoïevsky, on sent une vitalité profonde, une âme prête à se donner à toute parole juste qui l’enlèvera” [41, p. 346].

22 “Le héros de Tourguénef a bien des traits communs avec un Peau-Rouge de Fenimore Cooper; seulement c’est un Peau-Rouge qui s’est grisé avec des tirades de Hegel et de Buchner au lieu d’eau de feu, qui se promène dans le monde civilisé avec un bistouri, au lieu de s’y précipiter avec un tomahawk” [41, p. 175].

Иной взгляд на «русский роман» дает Фердинанд Брюнетьер. Автор труда «Натуралистский роман» (1883)[23] посвящает русским писателям отдельную главу, называя ее «Роман нигилизма». Такое название редко фигурирует при общем описании творчества русских писателей, поэтому сложно говорить об устоявшемся термине, но Брюнетьер специально выбирает меткое название, которое способно заинтересовать французского читателя известными реалиями, и одновременно отделяет русскоязычный роман от прочих натуралистских романов, подчеркивая его уникальность и вписывая его в историю натуралистского романа.

Рождение нигилистского романа по Брюнетьеру приходится на 1860-е гг. (он уточняет, что на момент написания очерка роман русского нигилизма уже 12 лет как родился [28, p. 29]), и Чернышевский, автор первого нигилистского романа, т. е. отражающего в полной мере доктрину движения, стремится создать реальный портрет нигилиста, противопоставленный карикатуре, выписанной Тургеневым в романе «Отцы и дети». Брюнетьер рисует притягательный образ Чернышевского, называет его главой русского радикализма и жертвой политической реакции в царской России. Более того, фигуру Чернышевского литературный критик пытается вписать в литературный пантеон, сравнивая его с известными читателям писателями — в первую очередь с Тургеневым (Чернышевский так же знаменит!), а затем и с французскими романистами — Бальзаком и Золя (у Бальзака русский автор наследует знаменитый мистицизм, у Золя — дрянной слог [28, p. 40]). При этом Брюнетьер выделяет на примере романа «Что делать?» черты русского реализма — реалистичность описания, истинность пережитого, слепок жизни (*vécu*) и язвительный юмор, всеотрицающий и циничный, отличный от английской тонкой шутки и от французской колкой насмешки. Для критика «русский роман» не есть нечто выросшее вдали от европейской культуры: во-первых, он вписывается в общеевропейский контекст (в книге Брюнетьер также анализирует, например, английский реализм); во-вторых, испытывает влияние французской словесности. Сам текст Чернышевского как явление художественное не является чем-то исконно русским. Но в анализе своем Брюнетьер постоянно колеблется

23 Речь идет о сборнике популярных статей, опубликованных ранее в журнале «Ревю де дё монд» и затем изданных отдельным томом.

между необходимостью оценивать художественность текста и его документальность (произведение пропаганды) [28, p. 42]. Обращение к роману как к «любопытному документу» позволяет Брюнетьеру создать рамочную конструкцию, в которую он вписывает роман Чернышевского: начинает он с отсылки к сектам и к ужасам российского режима и заканчивает историческим комментарием о роли нигилизма и предсказанием ужасного конца царского режима, высказанным еще Монтескье. Выбор между двумя фокусами — литературным и историческим — разделяет критическую статью Брюнетьера на две части: роман Чернышевского по форме критик рассматривает как плохо сработанный фельетон, по содержанию же — как достоверный источник, подтверждающий слухи о сектантстве нигилистов[24]. Нигилизм критик воспринимает так же, как коллеги по перу, — как секту [28, p. 44], идеи которой наиболее полно выражают особенности расы, самобытность народной души. К достоверности романа и его документальности Брюнетьера подталкивает и сам статус — не писателя, но экономиста в глазах французского критика [28, p. 47]. Итогом служит вскользь упомянутое сравнение нигилизма с фурьеризмом и оправдание несовершенства стиля агитационными целями. Современная литература в России, по мнению Брюнетьера, есть орудие борьбы и эмансипации[25], и роман Чернышевского — прямое тому доказательство, выражение русского радикализма *par excellence*.

Особенно стоит отметить разное для Вогюэ и Брюнетьера понимание мистицизма и религиозности в нигилизме: если в труде Вогюэ нигилисты-сектанты сравниваются в своей вере с варварскими неевропейскими народами, а акцент делается на уникальности и самобытности движения, то Брюнетьер сравнивает нигилистов с прочими современными религиозными сектами, в частности с американскими квакерами и религиозной

24 Например, внезапную смерть Лопухова, его чудесное возрождение и воссоединение друзей в конце романа Брюнетьер считает излишне романтизированным, а описание воззрений и жизни Рахметова, например его отказ от недоступных народу фруктов или сон на гвоздях, — правдой.

25 “Au surplus, il n’importe guère en Russie, de nos jours, la littérature est une arme; la poésie même y est œuvre de combat, à plus forte raison le roman. Et c’est pourquoi ce roman au titre énigmatique Que faire? s’il n’offre assurément qu’un médiocre intérêt comme œuvre d’art, du moins comme expression du radicalisme russe mérite bien d’être connu” [28, p. 30–31].

коммуной Онейда, тем самым вписывая движение нигилистов в общий контекст анархо-утопистских поисков[26].

Разные взгляды на русскоязычный роман отражают общую тенденцию в восприятии французами русской культуры того времени. Более консервативный взгляд, патерналистски снисходительный, делает упор на уникальность, самобытность, местный колорит и народную душу (тенденция к выделению *русскости*), а более либеральный взгляд пытается выстроить связи, доказывающие преемственность и зависимость культуры от европейской мысли. Оба взгляда по-разному оценивают и нигилизм — как выражение индивидуального пессимизма (сравнение нигилистского романа с романами Флобера и декадансом у Вогюэ) и как социально обусловленный бунт (роман как орудие борьбы у Брюнетьера). Но характерно, что оба критика уделяют внимание именно образу, позе нигилистов, их внешнему виду и поведению, и даже больше, чем идеям и воззрениям. Установка на «внешнее» привычна для критиков этого периода: бурлящая жизнь парижской художественной богемы давала богатый материал для россказней и слухов и вынуждала обращать внимание на ярких художников, на их поведение на публике, на заявления в прессе, на внешние проявления индивидуальности и/или групповой идентичности. Хлесткие идеи замещались чарующими образами.

***

Нигилизм становится для французов одним из важнейших элементов в конструировании образа России, воплощением *русскости*, клубком противоречий, отражением на практике непостижимой русской души. А фигура нигилиста еще долго будет вдохновлять французское общество и французскую литературу [15]. Парадоксально, что схожие образы русских революционеров-бунтарей используются как правыми интеллектуалами

26 “On sait que pas un pays des deux mondes n’est plus fécond que la Russie, et non pas même la nouvelle Amérique, en sectes religieuses ou philosophiques, les unes bizarres jusqu’à l’extravagance, les autres repoussantes jusqu’au dégoût. Les Tourneurs de Russie ne le cèdent pas aux Trembleurs d’Amérique; ils l’emporteraient plutôt; et les Coureurs de Sopelki le disputent aux Perfectionnistes d’Onéïda. Aussi bien il se fait des échanges, et tels Russes de l’un ou l’autre sexe qui désespèrent de la liberté sur le sol natal vont essayer du libre amour et de la vie naturelle aux bords du lac Erié. La vie naturelle, c’est le communisme bravement poussé jusqu’à ses dernières conséquences; et le nom seul dit assez clairement ce que c’est que le libre amour” [28, p. 30–31].

и консервативными газетами, так и левыми анархистскими движениями и борющимися за права женщин писательницами — для иллюстрации своих, часто противоположных идей. Таким, например, оказывается образ нигилистки-революционерки, появляющийся в популярных романах у консервативных писателей (где нигилистка выступает в амплуа *femme fatale*, искусительницы или спасительницы) и у представительниц левого движения (как правило, в уста нигилистки вкладываются современные идеи о равноправии женщин и мужчин) [13; 25]. Анализ этого женского нигилистского образа — следующий шаг в осмыслении сложной рецепции русской нигилистской мысли во Франции конца XIX — начала XX в.

Список литературы

Исследования / References

1 *Ходнев А.И.* Парижская всемирная выставка. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1867. 17 с.
Khodnev, A.I. *Parizhskaia vsemirnaia vystavka* [*Paris World's Fair*]. St. Petersburg, Tipografiia tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za" Publ., 1867. 17 p. (In Russ.)

2 Ageorges, Sylvain. *Sur les traces des expositions universelles Paris, 1855–1937.* Paris, Parigramme, 2006. 187 p. (In French)

3 Artiaga, Loïc (dir.) *Le roman populaire 1836-1960. Des premiers feuilletons aux adaptations télévisuelles.* Paris, Editions Autrement, 2008. 186 p. (In French)

4 Artioukh, Ekaterina. *La réception de la littérature russe par la presse française sous la Monarchie de juillet (1830–1848): Thèse de doctorat.* Paris, 2010. Available at: https://theses.fr/2010PA030097 (Accessed 21 March 2024). (In French)

5 Avrich, Paul. *Bakunin And Nechaev.* London, Express Printers, 1974. 32 p. (In English)

6 Backès, Jean-Louis. "Eugène-Melchior de Vogüé et Le Roman russe." *L'appel de l'étranger: Traduire en langue française en 1886.* Tours, Presses universitaires François-Rabelais, 2015. Available at: http://books.openedition.org/pufr/11399 (Accessed 21 March 2024). https://doi.org/10.4000/books.pufr.11399 (In French)

7 Boyer, Paul. "Louis Leger (13 janvier 1844 – 30 avril 1923)." *Revue des études slaves*, t. 3, fasc. 1–2, 1923, pp. 127–132. (In French)

8 Breuillard, Jean. "Bref historique des études slaves en France." *Revue du Centre Européen d'Etudes Slaves. Etudes slaves en France et en Europe*, nu. 1, 2012. Available at: https://etudesslaves.edel.univ-poitiers.fr:443/etudesslaves/index.php?id=100 (Accessed 21 March 2024). (In French)

9 Cahen, Gaston. “Prosper Mérimée et la Russie.” *Revue d’Histoire Littéraire de La France*, nu. 28 (3), 1921, pp. 388–396. (In French)
10 Dumasy, Lise, éditeur. *La querelle du roman-feuilleton: Littérature, presse et politique. Un débat précurseur (1836-1848)*. Grenoble, UGA Éditions, 1999. 276 p. https://doi.org/10.4000/books.ugaeditions.7931 (In French)
11 Gacoin-Lablanchy, Pauline. “Le vicomte Eugène-Melchior de Vogüé et l’image de la Russie dans la France de la IIIe République.” *Bulletin de l’Institut Pierre Renouvin*, nu. 39, 2014, pp. 65–78. https://doi.org/10.3917/bipr.039.0065 (In French)
12 Guillaume, James. *L’Internationale. Documents et souvenirs*, t. III–IV. Paris, P.-V. Stock, 1910. 716 p. (In French)
13 Holekamp, Abby. “Un féminisme feuilletoniste: Les Vierges russes de Marie-Louise Gagneur.” *Revue d’histoire du XIXe siècle*, nu. 66, 2023. Available at: http://journals.openedition.org/rh19/8940 https://doi.org/10.4000/rh19.8940 (Accessed 21 March 2024). (In French)
14 Ivanova, Nadia. “Généalogie de l’‘âme russe’: le moment Vogüé.” *Revue Russe*, nu. 40, 2013, pp. 41–49. Available at: https://doi.org/10.3406/russe.2013.2544 (Accessed 21 March 2024). (In French)
15 Kosko, Maria. *Un “Best-Seller” 1900: Quo Vadis?* Paris, Librairie Jose Corti, 1960. 185 p. (In French)
16 Krauss, Charlotte. *La Russie et les Russes dans la fiction française du XIXe siècle (1812–1917). D’une image de l‘autre à un univers imaginaire*. New York, Amsterdam, Éditions Rodopi B.V., 2007. 446 p. (In French)
17 Lambert, José, Lieven d’Hulst, and Katrin van Bragt. “Translated Literature in France, 1800–1850”. Hermans, Theo, editor. *The Manipulation of Literature. Studies in Literary Translation*. New York, Saint Martin’s Press, 1985, pp. 149–163. (In French)
18 Leroy-Beaulieu, Anatole. *L’Empire des tsars et les Russes*. Paris, Hachette, 1889. 654 p. (In French)
19 Luytens, Daniel-Charles. *Secrets de police: Les plus célèbres fiches de police du temps passé*. Edition Jourdan, 2017 (ebook). (In French)
20 Michel, Louise. *Mémoires de Louise Michel écrits par elle-même*. Paris, Libraire-éditeur F. Roy, 1877. 409 p. (In French)
21 Mollier, Jean.-Yves. *Louis Hachette (1800–1864): le fondateur d’un empire*. Paris, Fayard, 1999. 554 p. (In French)
22 Neboit-Mombet, Janine. “L’image de la Russie dans le roman français (1859–1900).” *Revue des études slaves*, no. 75, fasc. 3–4, 2004, pp. 551–554, Available at: https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_2004_num_75_3_6928 (Accessed 21 March 2024) https://doi.org/10.4000/res.1465. (In French)
23 Niqueux, Michel. “Panorama de la traduction en français des *minores* russes.” *Revue des études slaves*, no. LXXXVIII/4, 2017, pp. 815–835. (In French)

24 Parinet, Elisabeth. “Les bibliothèques de gare, un nouveau réseau pour le livre.” *Romantisme*, L’édition populaire, no. 80, 1993, pp. 95–106. (In French)
25 Wilfert-Portal, Blaise. “La place de la littérature étrangère dans le champ littéraire français autour de 1900.” *Histoire & mesure*, no. XXIII/2, 2008, pp. 69–101. https://doi.org/10.4000/histoiremesure.3613 (In French)

Источники

26 *Audouard O.* Les soupers de la princesse Louba d'Askoff: drame d'amour et de nihilisme. Paris: Libraire-éditeur E. Dentu, 1880. 318 p.

27 *Bourdeau J.* Le socialisme allemand et le nihilisme russe. Paris: Libraire-éditeur F. Alcan, 1892. 318 p.

28 *Brunetière F.* Le roman naturaliste. Paris: Editions C. Lévy, 1883. 370 p.

29 *Claretie J.* Les amours d'un interne. Paris, 1881. Paris: Libraire-éditeur E. Dentu, 1881. 476 p.

30 *France H.* La vierge russe. Paris: Ancienne maison F. Roy, 1893. 866 p.

31 *Lallié N.* Choses de Russie: la Lutte du tsarisme et du nihilisme. Russes et nihilistes à Paris; les Contes populaires slaves; les Russes jugés par Joseph de Maistre. Lyon: Librairie générale catholique et classique, 1895. 406 p.

32 *Lavigne E.* Introduction à l'histoire du nihilisme russe. Paris: Libraire-éditeur G. Charpentier, 1880. 401 p.

33 *Lubomirski J.* Le nihilisme en Russie. Paris: Libraire-éditeur E. Dentu, 1879. 93 p.

34 *Mary J.* Paradis perdus. Paris: Libraire-éditeur E. Kolb, 1889. 557 p.

35 Meylan A. A travers les Russies. Paris: Libraire-éditeur G. Fischbacher, 1880. 224 p.

36 *Noir L.* Alexandra la Nihiliste: une martyre du Tzar. Paris: Administration des publications républicaines illustrées, 1880. 245 p.

37 *Thomin L.* La route de la Sibérie: aventures de deux déportés nihilistes. Paris: Libraire-éditeur Téqui, 1895. 320 p.

38 *Tissot V.* La Russie et les russes: indiscrétions de voyages. Paris: Libraire-éditeur E. Dentu, 1882. 562 p.

39 *Tissot V.* Russes et Allemands. Paris: Libraire-éditeur E. Dentu, 1881. 336 p.

40 *Vernier P.* La chasse aux nihilistes. Paris: Libraire-éditeur P. Ollendorff, 1880. 332 p.

41 *Vogüé E.M. de.* Le roman russe. Paris: Librairie Plon, 1886. 355 p.